

Большой театр.
2001. — апр. (№2). — с. 7

ЕЛЕНА ЗЕЛЕНСКАЯ: ГЛАВНОЕ — РАБОТА В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

— Я знаю, что в Москве вы живете всего 12 лет, а родились, выросли, закончили консерваторию, стали профессиональной певицей в Баку. По своему родному городу не скучаете?

— С Баку связаны самые теплые воспоминания. Как писал Лев Толстой, «счастливая, невозвратимая пора детства». Живы были родители, я была обласкана и согрета их любовью, уверенно чувствовала себя под их защитой. Мне было хорошо в Баку. Помню красавицу-набережную, узкие улочки старого города, ни с чем не сравнимый воздух, в котором смешались, кажется, все мыслимые волшебные ароматы. В Баку пришла ко мне моя первая любовь. В Баку я запела.

— Вы рано начали петь?

— Чуть ли не с 2 лет. Особенно любила петь в троллейбусах и трамваях, заглушая шум моторов, а на остановках, когда мотор замолкал, был слышен только мой голос. Уговорить меня молчать было невозможно. В музыкальную школу меня не приняли, сказав маме, что у меня нет слуха. Не знаю, что сыграло роль на самом деле, но — не взяли. Закончила я с медалью школу с математическим уклоном, но математика мне в жизни не пригодилась. Дома у нас пели. Мама имела музыкальное образование, у нее было роскошное, от природы поставленное меццо-сопрано, а у бабушки — колоратурное. Вместе они прекрасно пели старинные романсы, и бабушка аккомпанировала на гитаре. Эту семейную любовь к романсу я сохранила.

Мне тоже хотелось петь, родители пригласили педагога, и я занималась музыкой и пением. А еще — я хорошо танцевала и даже три года занималась в балетной школе. Я любила «представлять», быть в центре внимания — петь, читать стихи, танцевать. Влезала на коробку или табурет и объявляла: «Выступает Алена Зеленская. Похлопайте!» Не могу без смеха вспомнить об этом. Но артисткой стать не собиралась, после окончания школы думала поступить в иняз или на истфак — по папиным стопам: он был доктор исторических наук. Но именно папа решил, что я обязательно должна стать певицей, а решив, отправился в консерваторию и сразу — к профессору, и объяснил, что у него чрезвычайно одаренная дочь, что ее надо учить, но музыкального образования у нее нет, а поэтому в качестве педагогической практики кто-то из студентов должен подготовить ее музыкально и вокально к поступлению в консерваторию. Вот так!

— Вы уже закончили школу?

— Нет, я продолжала учиться и параллельно с занятиями в 9 и 10 классах овладевала азами музыки и пения, а после окончания школы поступила на подготовительное отделение Бакинской консерватории, хотя брать меня не хотели — мне было всего 17 лет (а принимали с 19). Но и здесь проявилась папина настойчивость — в консерватории он сказал, что у него слабое здоровье (а это было действительно так), что у него нет времени ждать, а он хочет дожить до того момента, когда его дочь станет певицей. И добавил: «Вы еще будете гордиться тем, что моя дочь училась у вас». Короче говоря, через год я уже стала студенткой первого курса вокального факультета. Когда я заканчивала консерваторию, мне было 23 года. Папа скончался через год. Ни близких, ни родных в Баку у меня не осталось. И если тянет в Баку, то только, чтобы навестить папину могилу.

— Вы одна из немногих наших певиц, кто умело совмещает широкую гастроль-

ную деятельность с выступлениями на сцене Большого театра. Как вам это удается?

— Получая приглашение из-за рубежа, я в первую очередь интересуюсь сроками, потому что для меня главное — работа в Большом театре, и никакие, самые престижные приглашения не могут мне помешать выполнять свои обязательства в Большом. Я всегда мечтала о Большом театре — и когда пела в «Новой опере», и когда пела в Вене. Большой для меня — главное, это мой родной театр, и я делаю все для того, чтобы гастролы не отражались на моих выступлениях здесь. От многих, даже очень привлекательных приглашений приходилось отказываться ради того, чтобы спеть свои спектакли в Москве, потому что сроки их в нашем театре неоднократно переносились. Сейчас, возвратившись из гастролей, я за месяц — с 18 февраля, спела 8 спектаклей: «Аиду», «Бал-маскарад», «Пиковую даму», «Русалку», «Онегина», «Тоску».

— Какие гастролы вы имели в виду?

— В Метрополитен я пела «Бал-маскарад». Спектакли прошли с большим подъемом, замечательно принимались публикой. Был сильный состав, в котором хотелось «не подкачать». Кстати, Ульрику пела Лена Заремба — она в отличной вокальной форме. Мне кажется, что своим успехом спектакль в значительной мере обязан дирижеру Пласидо Доминго. Его творческая воля, эмоциональный импульс, артистизм заражали и заряжали всех участников.

— Если верить афише, то 24 марта вы впервые исполняли партию Татьяны. Это действительно так?

— И так и не так. На сцене Большого театра я пела Татьяну не впервые, участвовала и в предыдущей постановке, которая шла еще в прошлом сезоне. Есть у меня и компакт-диск с записью «Онегина», который продается по всему миру. Спектакль, о котором говорите вы, — это возобновление постановки 1944 года, и я выступала в ней действительно впервые.

— В процессе подготовки к спектаклю, во время выступления, вы открыли для себя что-то новое в образе Татьяны?

— В прошлом спектакле было очень много мелких сценических штрихов, я бы даже сказала — суэты. В постановке 1944 года все поставлено более крупным мазком, более выпуклые образы. Прошлое выступление вообще было первым моим выходом в «Онегине» на сцене Большого театра, и поэтому, наверное, запомнилось больше. Но в этой, новой для меня постановке, есть нюансы, детали, мизансцены, которые мне ближе, больше по душе и, кажется, лучше удавались. Например, сцена письма. Ее относительная статичность позволяла мне быть более внутренне сосредоточенной, уделить больше внимания вокалу.

— За рубежом ваш репертуар, наверное, не меньше, чем в Большом театре. Вы поете не только Аиду и Амелию, но и Леди Макбет и Леонору в операх Верди, которые у нас не идут, Тоску и даже редко звучащие оперы «Сибирь» Джордано и «Виллиси» Пуччини. А русский репертуар на Западе вы исполняете?

— Да, я пела «Пиковую даму», «Онегина», а в июне мне предстоит спеть в Амстердаме «Маддалену» Прокофьева. Я с большим интересом и волнением готовлю эту новую для меня партию. Но так уж сложилось, что чаще всего меня приглашают на итальянский репертуар.

— Сейчас много говорят о том, что певец без компакт-диска, без кассет —

это не певец, потому что любой импресарио, директор, дирижер, прежде чем пригласить певца, слушает его записи. У вас много дисков, видеозаписей?

— К сожалению, не много. Годы идут, и хочется записать то, что можно спеть в молодом возрасте. Была бы возможность, я бы записывала все свои спектакли — так они не похожи. Сегодня лучше удастся одно, завтра — другое. Ведь сегодняшний день не повторится, и иногда думаешь — как жаль, что этот спектакль не был записан, снят. Недавно у меня вышла видеокассета нашего спектакля «Аида», есть компакт-диски «Онегина», «Романсы» и «Шедевры оперы». Недавно вышел «Реквием» Верди, записанный во время прямой трансляции из Большого зала консерватории. Пожалуй, это все.

— Никто из ваших близких не записывает спектакли?

— Муж иногда записывает, но это — на любительском уровне.

— Кто по профессии ваш муж? Он имеет отношение к музыке, к театру?

— Абсолютно никакого. Он инженер-механик, но обожает музыку, прекрасно слышит вокал, я обязательно приглашаю его на генеральные репетиции, чтобы он посмотрел со стороны, как я выгляжу, послушал, как звучу. Чаще всего он меня критикует, и я прислушиваюсь к его мнению, потому что плохого он не посоветует.

— Он часто бывает на ваших спектаклях?

— Да. Не на всех, но все, что я пою, слышал неоднократно.

— А сын?

— Вадим любит оперу, любит слушать меня. Его любимые спектакли — «Пиковая дама» и «Князь Игорь». Кажется, у него прорезается голос, но ему всего 12 лет, и сейчас его следовало бы учить музыке, но он, к сожалению, все время отдает компьютеру.

— Как вы готовите новый репертуар, с чего начинаете разучивать партии?

— Начинаю с текста, уделяю ему очень большое внимание. На этом этапе никогда не слушаю никаких записей, иначе поневоле начинаешь копировать, повторять все, в том числе — и ошибки. Учить партию начинаю самостоятельно — и, откровенно говоря, обожаю этот этап «ковыряния» в музыкальном тексте. Потом уже начинается шлифовка, работа с концертмейстером, впевание. И только после того как работа практически сделана, я слушаю записи. Желательно — несколько вариантов, с разными дирижерами и исполнителями, размышляю, анализирую, отмечаю для себя наиболее интересное, но ни в коем случае не копирую.

— Кто для вас самый высокий профессиональный авторитет? Кого вы считаете самым объективным критиком и чьему мнению больше всего доверяете?

— Может быть, это прозвучит странно, но больше всего я доверяю себе. Я прекрасно себя слышу, запоминаю все удачные и неудачные моменты, ругаю или хвалю себя после спектакля, работаю над тем, что не удалось.

— В связи с юбилеем театра вам присвоено высокое почетное звание народной артистки России. Я очень рада за вас и от души поздравляю. Но хотела спросить, как вы вообще относитесь к почетным званиям — ведь не секрет, что часто можно услышать мнение, что почетные звания надо отменить.

Фото Алексея Бражникова

Елена Зеленская — Татьяна

— Звание «Народная артистка» звучит гордо, и я безумно счастлива, что получила его в еще достаточно молодом возрасте. И если честно, то, получив медаль народной артистки, не могла на нее насмотреться. Жалею только о том, что мои родители не дожили до этого дня — ребенку любого возраста всегда хочется похвастаться родителям, что они не даром тратили силы на твоё воспитание. У нас в стране, а мы живем в России, почетное звание пользуется уважением, ценится, а за границей — я даже не знаю, как перевести на английский — народная артистка России. Звание не отражается ни на контракте, ни на гонораре, впрочем, как и здесь. Но звание ко многому обязывает. Ты не имеешь права петь не то что плохо, а ниже уровня, на котором тебя удостоили этого звания. Звание постоянно стимулирует к совершенствованию и я считаю, что для творческих людей наличие званий необходимо как знак признания.

— Последний и традиционный вопрос — над чем вы сейчас работаете?

— В репертуарный план театра включена «Чародейка». Не знаю, займут ли меня в новой постановке, но партию Кумы просматриваю, «примеряю» на свой голос. Барселонский театр Лисео пригласил меня на «Богему», но хотелось бы спеть Мими и в Большом театре. Как это ни странно, я знаю партию на русском языке, сейчас переучиваю на итальянский. В Детройте я должна петь Елизавету в «Дон Карлосе». Оперу эту я прежде не пела, но первую, четырехактную редакцию знаю. А в Детройте опера пойдет в пятиактной французской редакции — так что приходится доучивать. Есть мечты, которые пока не вписываются в какие-то конкретные планы, — хотела спеть Кармен в опере Бизе и Катарину в опере Шуберта «Угрошение строптивой». Но это — мечты.

— Удаchi вам в их осуществлении!

Беседовала СУСАННА БЕНЦИАНОВА